

Дополнения к мифу

Исторический журнал «Родина» не может жаловаться на недостаток популярности. Менее известно при-
ложение к нему — «Источник», в состав которого входит своеобразный «журнал в журнале» — «Вестник
Архива Президента РФ». Именно там в № 4 (23) за 1996 год появилась публикация «Так истязуется и
распинается истина...» А. Ф. Лосев в рецензиях ОGPU — подборка документов, на наш взгляд,

принципиально важная, представляющая существенный интерес не только для профессиональных
историков или философов, но и для всех, кто серьезно относится к прошлому, настоящему и буду-
щему России. Не располагая возможностью для полного воспроизведения материалов «Вестника...»
(отсюда — по необходимости большие цитаты), мы публикуем три комментария к этому сюжету.

О старом контексте

Константин Полянов

Вероятно, Владиславу Холосевичу принадлежат самая жесткая оценка культурной ситуации Серебряного века и ее ближайших порождений. «Можно было прославлять и Бога, и Дьявола. Разре-
шалось быть одержимым чем угодно: требовалась лишь полнота одержимости...» Глубочайшая опустошенность оказывалась по-
следним следствием «...» Распятия бывали не театральные «...» («Конек Ренаты»). Можно обсуждать степень справедливости поэ-
та, но очевидно, что духовный и нравственный релятивизм вместе с головокружительными идеологическими метаморфозами — от марксизма до идеализма, от естества ли (если угодно — «паз-
стетизма») к антропософии — подготовили благодатную почву для всех вариаций «духовного очищения», когда люди, вчера еще впол-
не безупречные, становились стукачами или агентами органов, св-
разиями или политическими террористами, перебежчиками от
двулкого орла к красному знамени, идеологами новой власти, со-
чинителями подлейших исторических концепций и романов или «просто» авторами массовой квазидетской литературы о сча-
стье быть гражданами пресловутой «шестой части земного шара». Но будем справедливы и вспомним замечательные строки Тимура
Кибрида, где увековечен результат «застойной» моды на «Зорген-
фрей, Черубину и Паста» — Впрочем, надо заметить, что именно
этой/старомодного чтеца круг/ледное презрение к Власти Совет-
тов/визла мне в душу...

Семь десятилетий бандитской диктатуры воспитали у нас ал-
лергию на слово «революция». Нам часто бывало трудно понять, ка-
кую «музыку» призывал слушать Александр Блок, какую желае-
мую стихию могли обнаруживать в событиях 1917 года его совре-
менники и, наконец, что побуждало Осипа Мандельштама или Бо-
риса Пастернака подписывать нравственные оправдания происхо-
дильнику. Пожалуй, сегодня многие вопросы и ответы выглядят
иначе, и здесь заслуга не только нашей большей информирован-
ности или нынешней идеологической свободы. Именно в последние
годы из современной практики, а не из истории, мы смогли убе-
диться, что фашизм и коммунизм в своем близком братстве,
действительно, подобны партии и Ленину — равны в ненависти к
свободе и либерализму (и в политике, и в религии, и в культуре), в
глубоком презрении к человеческому достоинству, к ценности от-
дельной человеческой жизни, в любви к ссоро, помпезности,
бездности и однообразию. Какими парадоксальными или, напро-
тив, закономерными путями все это выросло из, казалось бы,
многочетной жизни рубежа веков — тема отдельная. Здесь важнее
вспомнить, что приветствовали революцию, ощущали ее нрав-
ственную неизбежность и необходимость писатели, проявлявшие
либерализм как в политических взглядах, так и в искусстве, и они
же — что позже, что раньше — ясно осознали, что от «стихийной»
и «нравственной» революции (другой вопрос, может ли такая быть
в природе; речь не о наших взглядах, а о тех, что без нас были ве-
рабализованы) очень быстро не осталось и следа. Большевикский
режим ни о каком либерализме не помышлял, хотя дозвони свобо-
ды и «человеколюбия» (не в людоедском смысле) неустанно про-
возглашал. Вспомним выступления Блока после «Двенадцати», ро-
ман «Мы» Евгения Замiatина, социал-демократ с немалым до-
роволюционным стажем, сатиру Маяковского — их авторы поняли,
что в результате октябрьского переворота прежний, далекий от ли-
беральных идеалов государственный строй сменился еще более
удаленным от этих идеалов.

Стоит ли удивляться, что эпатирующий публику авангардист
Маяковский был помертно захпнут в такую рамку, что стал тру-
дуознаваемым, что поэму «Двенадцать» изображали гимном ком-
мунистической революции, а «Мы» не печатали, умалчивая не
только о существовании романа, но и его автора.

И одновременно стоит ли удивляться, что «философия» А. Ф.
Лосева, при всей ее внешней антигосударственности и непопулярности,
пришла к двору в Советской России в годы, когда партократия
сменилась режимом единоличной власти Сталина. Из лагеря Лосе-
ва осознано ждало стремительной быстроты (вспомним его запи-
ски о Беломорканале, из которых непопотоженный читатель дол-
жен был сделать вывод, что имя популярной марки советских
папирос происходит от названия санатория, где проходили курс
оздоровительного лечения советские мыслители), предоставили воз-
можность работать, преподавать, публиковаться, вносить неоцени-
мый вклад в развитие марксистско-ленинской эстетики.

Как мы узнали из «Источника», Лосев писал: «Раб не потому
раб, что его угнетили. РАБОМ ЧЕЛОВЕК ДЕЛАЕТСЯ ПОТОМУ,
ЧТО ОН РАБ В СВОЕМ СОБСТВЕННОМ СОЗНАНИИ, РАБ
ПО ДУШЕ». — не эта ли идеология лежала в основе социалистиче-
ского строительства, осуществлявшегося миллионами за колочей
проволочкой, в большой зоне? Прославление феодализма, крепо-
стничества и единовластия (что, по Лосеву, «оказывались либеральными
всех стран») было как нельзя более кстати в эпоху установления
колхозного крепостного права и хорошо переключилось в восхва-
лениями «исторически прогрессивного» царствования Иоанна
Грозного. Рассуждения же о «еврействе» как «оплоте мирового са-
танизма», о том, что «как в действительности не существует досто-
инства женщины, так и не может быть понятия о еврейском досто-
инстве», что «настоящий еврей, как и женщина, лишен собствен-
ного «я», в результате этого и самоненности», стали в СССР впол-
не актуальными в конце 1940-х, когда среди высших руководителей
государства были в основном истреблены обладатели семейской
крови. Что же до отношения к женщинам, то здесь страна побе-
дившего социализма всегда демонстрировала полное отсутствие
сексизма — в лагерях женщин смело посылали на лесоповал, на
свидетели подвергали пыткам наравне с мужчинами (исключение
делали только для беременных — их сперва подвергали принуди-
тельным абортам), а на свободе — предоставляли широчайшие
возможности работать и откачивали в шахтах, и на вреднейших
химических производствах, и на метрострое, и на укладке желе-
зных дорог. Позже, не иначе, как под влиянием «сатанинского» За-
пада появились (сперва, правда, очень короткие «секретные» отпу-
ски) отпалды, впрочем, оберегая советских женщин от конкурен-
ции, мужелюбство, как и секотолчество, карались в качестве
духовных преступлений. Революция, чреватая усилением либерализ-
ма, была ненавистна что Лосеву, что Сталину. Они оказывались
союзниками по борьбе со всякими Замiatинными и Маяковскими.
Когда Сталин уничтожал старых большевиков и бывших марксист-
тов, а затем начинал борьбу с «безрассным космополитизмом», он
воплощал на практике лосевские (не его одного, конечно) идеи.
«Марксизм», — читал мы, — есть типичнейший иудаизм, перера-
ботанный возрожденческими методами, и то, что все основатели и
основная масса продолжателей марксизма есть «sic!» евреи, может
только подтвердить это.

Трудно поверить, что психически здоровый человек мог напи-
сать все то об истории, культуре, цивилизации и религии, что так
обычно пишется в опубликованных «Источником» документах.
Но обратимся к публикации, подготовленной А. А. Тахо-Годи, ко-
торую трудно заподозрить в желании очернить автора неисследо-
ванных слов: «Хаос прозвенел в бесконечности фикций. Фикция ста-
ла словом, фикция стала богом. И решил бог в творчестве реально-
го мира преодолеть свою фикцию, и создал небо, землю и человека.
«...» В начале была фикция!...» Спасаясь от реальности злого ада,
человек создал фикцию благого рая. И ад стал реальностью, и рай
стал фикцией. «...» Мир наполнился хотом и человек познал
фикцию». (Полностью: «Начала». 1994. № 1.) И все это ведь пишет
не Демьян Бедный и Обрунута, а философ, в 1932 году тайно при-
нявший монашеский постриг. Впрочем, дважды женатым,

Леонид Капиз

а первый взгляд все аурально. В преамбу-
ле читаем: «Публикуемые ниже доку-
менты, наверное, не нуждаются в спе-
циальном приписании и комментариях.
Практика доносов по политическим,
идеологическим и иным мотивам, так
пышно процветавшая в годы репрессий,
достаточно известна и осуждена обще-
ством. Она была характерна не только
для отдельной категории «законполю-
стных» граждан нового общественно-
го строя, но и для государственных орга-
нов, призванных силой данных им по-
номочий и непрекращаемого авторитета
этот строй защищать».

Какется, нас ожидает сфабрикован-
ный ОGPU донос на русского мыслите-
ля, призванный опорочить перед власт-
ями «осужденных обществом» лет невин-
ного автора религиозно-философских
сочинений. Однако уже изложение об-
стоятельств, приведших к появлению
«Справки о роли профессора Лосева А.
Ф. в а/сов. движении», прямо противо-
речит понятию «донос». На Лосева ни-
кто не доносил. Свои тайнственные,
много лет разыскиваемые «Дополнения
к «Диалектике мифа» он, судя по доку-
менту, предоставил в цензуру сам. А ор-
ганы лишь отреферируют текст для
собственных нужд. Читателю (подчер-
кивание ОGPU в тексте замены курси-
вом). «Дополнения к «Диалектике ми-
фа» были написаны ЛОСЕВЫМ в тече-
ние нескольких месяцев — осенью 1929
года. В ответ на успешное социалистиче-
ское наступление Лосев пытался высту-
пить перед широкими слоями населения
с открытым антигосветским призывом,
добиваясь в Главлите напечатания «До-
полнений» и увеличения тиража «Диалек-
тики мифа», и, когда «Дополнения» к пе-
чати разрешено не были, Лосев все же
включил в «Диалектику мифа» ряд глав и
абзацев из «Дополнений», содержащих
резкие выпады против марксистского
мировоззрения и политики Соввласти».

Документ малосимпатичный, но не
доносительный: никто не подсматривал
за автором «Дополнений» в заочную
скажинку и не сообщал ОGPU о его ку-
хонных беседах. Зато справка содержит
важные сведения об изытвом и невос-
новленном лосевском труде: «В работе
«Дополнения к «Диалектике мифа» ЛО-
СЕВ создает философско-историческую
концепцию, которая должна обосновать
необходимость непримиримой борьбы с
Совластью».

Основные положения «добавлений»
в общих чертах сводятся к следующему:
Вся история человечества — есть ис-
тория борьбы между Христом и Антих-
ристом, богом и сатаной. Феодализм —
высшая ступень в истории человечест-
ва, торжество бога; феодализм падает
под ударами сатаны, дальнейшая исто-
рия есть история развертывания и оформ-
ления сатанинского духа. Ступени этого
развертывания — капитализм, социа-
лизм, анархизм. Историческим носите-
лем духа сатаны является еврейство.
Марксизм и коммунизм есть наиболее пол-
ное выражение еврейского (сатанинского)
духа».

Составители справки приводят сло-
ва Лосева (видимо, из Дела) о том, что
книга является крайне резким ответом
на церковную политику Советской вла-
сти. Однако Лосев констатирует, что эти
взгляды в «Дополнениях» получили
лишь внешнюю форму и не связаны с
существом его мировоззрения. Если
учесть, что недавно стало известно о ма-
нашеском постриге Лосева (инока Анд-
роника) у имяславцев о. Давида, то
комментарий гегуеушника, называвшего
Лосева «теоретиком и илейным вождем
контрреволюционного движения имяс-
славцев», приобретает особый смысл.
Тот же гегуеушник сообщает, что в 29—
30-е гг. ОGPU на Северном Кавказе и
Завкавказье ликвидировали к-р. органи-
зации имяславцев (свыше 300 чел, участ-
ников), проводивших подготовку к во-
оруженному выступлению против Совла-
сти. При аресте оказывали воору-
женное сопротивление». (Ср. «Родина» 1989,
№ 10; скорее всего «к-р. организации»
была группа имяславцев, и не помышля-
вших о вооруженном востании). По-
ступок Лосева выглядит едва ли не ак-
том самопожертвования. Приведем, од-
нако (по той же справке), другую цитату
из Лосева: «Наши встречи (с деятелями
имяславия) были частными, мы вели про-
должительные беседы на религиозные
темы. Наши общие религиозные воззре-
ния (с одним из вождей имяславия) в ос-
новных пунктах совпадали, но в то вре-
мя, как все МОЕ ВНИМАНИЕ БЫЛО
ОТДАНО ТЕОРИИ И ДИАЛЕКТИКЕ,
ОН ЦЕЛКОМ БЫЛ В СФЕРЕ ПРАКТИ-
КИ И ПОЛИТИКИ. И в этом было
такое различие». И чуть ниже: «Полити-
ческие настроения моих знакомых, в об-
щем, были близки моим настроениям.
Отношение к Совласти у всего круга
моих знакомых было определено отри-
цательно, они рассматривали положитель-
но политический строй царской Рос-
сии».

Такого рода стилистика чужда Лосеву
— ясно видна работа «органов». Иначе
яснее документ — «МАТЕРИА-
ЛЕ О РУКОПИСИ ЛОСЕВА А. Ф. «ДОПОЛ-
НЕНИЯ К «ДИАЛЕКТИКЕ МИФА»»
гегуеушник реферат сделан, видимо, точ-
но. И здесь надо сказать, что оценка тру-
да Лосева (с учетом стилистики време-
ни и места) видится вполне адекватной:

«Нужно особо отметить боевой воинст-
вующий характер этой черносотенной
поповской программы».

Но по порядку: «Трагиком социа-
лизма и коммунизма в работе ЛОСЕВА де-
ликом воскрешает «научные построения»
идеологов русского черносотенства,
для доказательства «иудейского» и
«сатанинского» характера социализма
подвергается диалектическому разбору
Талмуд и Каббала, причем эти постро-
ения несколько «освещены» цитатами
из... Маркса».

Из сущности коммунизма ЛОСЕ-
ВЫМ «с диалектической необходимостью»
выводится неизбежность анархии,
которая будет царством антихриста и ги-
белью человечества. Выход — в создании
воинствующей церкви, абсолютно враж-
дельной Совласти, только такая церковь
может вступить в борьбу с сатаной —
Израилем и сломить его владычество».

Фрагмент можно было бы счесть под-
делкой, если бы слишком многие нити
не связывали его с известными текста-
ми Лосева. О них — ниже, а пока вдумая-
емся в слова Лосева (в «Материале» они

пил мне один ученый еврей, большой
знарок каббалистической и талмудиче-
ской литературы «...», заключается возве-
не в пантеизме «...», а скорее — в панте-
изме; каббалистический БОГ изъяс-
дается в Израиле для своего спасения,
воплощается в него и становится им, по-
чему миф о мировом владычестве обо-
жженного Израиля, от вечности содержа-
щегося в самом Боге, есть такая же диа-
лектическая необходимость, как для
платонического космоса — быть одуше-
вленным существом и всемогущим, все-
благенным божеством или для Христа
быть ипостасным боготечевком».

Это еще можно счесть богословием.
Но в «Дополнениях» Лосев ясно «допол-
няет»: «ЕВРЕЙСТВО СО ВСЕМИ СВОИМИ
ДИАЛЕКТИКО-ИСТОРИЧЕ-
СКИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ЕСТЬ
САТАНИЗМ, ОПЛОТ МИРОВОГО
САТАНИЗМА». Впрочем, уже в «Чер-
ках античного символизма и мифоло-
гии» читаем: «Католицизм извращается в
истерию, казуистику, формализм и ин-
квиизицию. Православие, развращаясь,
даст хулиганство, разбойничество, анар-

знания собственного «я», и властная по-
требность подять ценность своей лич-
ности — ПУТЕМ УНИЖЕНИЯ ДРУ-
ГОГО. НАСТОЯЩИЙ ЕВРЕЙ, КАК И
ЖЕНЩИНА, ЛИШЕН СОБСТВЕН-
НОГО «Я». А ВСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО И
САМОЩЕНОСТИ. Еврей вовсе не ан-
тиморален. Он аморален. Поэтому еврей
и не боится демонов».

Без опоры на «тело» последователю
Вейнингера и Розанова не обойтись: «Я
думаю, можно довольно точно исчис-
лить наличие в реально человеке (кур-
сив наш. — Л. К.) «мужского» и «жен-
ского» начала, или «человеческого» и
«еврейского» (необходимости в курсе
нет. — Л. К.) и этот подсчет будет вполне
точен и анатомо-физиологически, и
психологически и социологически».

Вот и пункт теории, созданной чело-
веком, казавшимся: «...ЖИЗНЬ СЛОЖ-
НЕЕ ЛОГИКИ, И МОИ РЕШИТЕЛЬ-
НЫЕ ВЫВОДЫ РЕАЛИЗУЮТСЯ ИС-
ТОРИЕЙ, ЗАЧАСТУЮ В ЛОГИЧЕ-
СКИ-НЕПРЕДВИДЕННЫХ ФОР-
МАХ». Диалектика и имяславие тут ни
при чем. До измерения «я» еврейскости
у «половинки» и «четвертинки» с еврей-
ской кровью оставалось чуть больше пя-
ти лет. Лосев может опспаривать приори-
тет — его не пугали «самые крайние вы-
воды, если они логически необходимы».

В этом свете по-иному видится суль-
ба Лосева. Хотя в цивилизованных стра-
нах подобные «труды» полпадают под
соответствующие статьи, речь не идет о
законности ареста автора «Дополнений».
Позорное имя Катановича, обвинявшего
Лосева в черносотенстве с партийной
трибуны, ста многолетней индугеншией
(да простит нам А. Ф. Лосев этот
католический термин). По-новому чита-
ются и беломорские «разговоры», кото-
рые А. А. Тахо-Годи соотносит с «Фи-
лософией имени» и «Диалектикой ми-
фа». Вспомним: «Еще дня за два до это-
го я говорил в проектом отделе одному
нервному, чернополому и, кажется, ум-
ному молодому скептику, заведовавше-
му у нас чертежным отделением: «Ну,
Михайлов, как же поживает ваш анар-
хизм?». «Анархист» прямо связан с ло-
севским «Израилем», а «чернотлазость»
«анатомо-физиологически» объясняет,
«кто есть кто». Однозначно и без диалек-
тики.

Работники президентского архива не
стали комментировать текст, что сводит
в систему до- и послекавказские работы
Лосева, разрешает загадку, над которой
был его алгебры. Интересно, кстати,
почему текст этот опубликован именно в
президентском архиве. Кажется, не ми-
новало его внимание «лучшего друга
всех философов и эстетиков». Оценку уж
похожи лосевские формулировки на те,
что потребовались в 1946—1952 годах:
«ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК БЕЗ РОДУ И
ПЛЕМЕНИ, НЕ НАВИДАЮЩИЙ ВСЕ
РОДНОЕ И ИНТИМНОЕ, УБИЙЦА
БЛИЗКИХ И РОДНЫХ МОЖЕТ
УНИЧОЖИТЬ ДОГМАТ О ТРОИЧ-
НОСТИ». Остается заменить «догмат»
на что-то политически подхляющее — и
готова сталинская формулировка!

А вот еще один абзац, что должен
был проимпронировать глубоко презира-
ющий народ партийной власти: «ПОЧЕ-
МУ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, СТОЛЬ
КАЗАЛОСЬ БЫ, ЧУЖДАЯ РУССКО-
МУ НАРОДУ, «...» И СЕЙЧАС УПРА-
ВЛЯЕТ ПОЛУТРАСТ. МИЛЛИОН-
НЫМ НАСЕЛЕНИЕМ. Конечно, не
потому, что на стороне этих нескольких
десятков людей полнота физической си-
лы. Наоборот, полнота физической си-
лы у полутраста миллионов, а не у не-
скольких десятков. Но ПОТОМУ ЭТО
ПРОИСХОДИТ, ЧТО НАРОД САМ
ВПОЛНЕ ДОСТОИН ЭТОГО ПРАВИ-
ТЕЛЬСТВА И САМ ВПОЛНЕ ДОВО-
ЛЕН, ИЛИ, ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, НЕ
НАСТОЛЬКО НЕДОУЛЕН, ЧТОБЫ
ВЗЯТЬ В РУКИ ОРУЖИЕ. Советская
власть держится благодаря платониче-
ским воззрениям русского народа (если
только у этого многомиллионного стада
баранов есть какое-нибудь мировоззре-
ние...».

Наивна легенда о том, что «Красный
крест» Е. П. Пешковой мог обеспечить
послабления Лосеву в лагере и его бы-
строе освобождение. Для того нужна бы-
ла реальная власть — впрочем, говорить
точно о роли Сталина в судьбе философа
можно будет на следующем этапе архив-
ных открытий. Хорош сюжет: настояще-
го врага, призывающего к вооруженному
выступлению, хоят и делеют на протя-
жении десятилетий, а высокий партий-
ный бонза за профессорское место (да и
вообще за свободу после такого!) просит
Лосева оставить философию (какую, мы
видим) и заниматься античностью. Ко-
гда-то эта фраза казалась «убийством»
Лосева-мыслителя; теперь ясно, что роже-
на она той же логикой, что и «надежда»
Сталина на млатовское трудоустройство
Булгакова.

Лосев отплатил партии за заботу. Он
успел признать марксизм высшей точ-
кой развития человеческой мысли, за-
быв, что тот «есть типичнейший иуда-
изм, переработанный возрожденчески-
ми методами». Государственная премия
СССР с серпом и молотом на натурном
знаке подкрепляет: «русский Фауст» до-
говор выполнял.

Значение текстов, показавшихся пу-
бликаторам столь очевидными, в том, что
еще один советско-интеллектуальный
миф рухнул. У мыслителя скоро появят-
ся новые поклонники, от которых ста-
нет жутко сегодняшним участникам «ло-
севской индустрии». Что ж, далеко не
только «разумное, доброе, вечное» скры-
вают архивы Лубянки и Кремля.

О новом тексте

А. Ф. ЛОСЕВ, 1923

специально заковычаны или подчеркнуты» — силой открыто выступившей с целью «свержения Бога с принадлежавшего ему места» и разрушения божественных устоев феодализма (отсылка к многолетним работам Лосева, вплоть до поздней «Эстетики Возрождения» — Л. К.) была извечно враждебная христианскому Богу сила Сатаны, воплощавшаяся в иудейство. Эпохой возрождения кончается торжество христианства и начинается историческое воплощение Израиля».

ИЗРАИЛЬ ХОЧЕТ СОЗДАТЬ СЕБЕ СПАСЕНИЕ СВОИМИ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ (ср. «Интернационал» — Л. К.), ПОЭТОМУ ИЗРАИЛЬСКАЯ СТИХИЯ И ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ВОЗРОЖДЕНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ, РЕВОЛЮЦИЯ — ВСЕ ЭТО ИМЕЕТ ПОД СОБОЮ ОПЫТ СВЕДЕНИЯ БЛАГОДАТИ, КОТОРАЯ ДАЕТСЯ ДАРОМ И ПО НЕИЗВЕСТНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ НА ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСИЛИЯ ЧЕЛОВЕКА, которые должны быть вознаграждены по справедливости и в которых нет ничего панистического, но все телесно и чувственно-реально. КАББАЛА ЕСТЬ ПРИНЦИП ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕСТЕСТВА, АКТИВНО НАПРАВЛЕННЫЙ ПРОТИВ СТИХИИ БЛАГОДАТИ.

КАББАЛА ЕСТЬ ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ И АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ИЗРАИЛЯ. ИЗРАИЛЬ — ПРИНЦИП ОТПАДЕНИЯ ОТ ХРИСТИАНСТВА И ОПЛОТ ВСЕЙ МИРОВОЙ ЗЛОБЫ ПРОТИВ ХРИСТА».

Столь же глубокие рассуждения о Каббале мы найдем в штурмовом тексте не раз. Откуда узнал все это Лосев? Без полного и аутентичного текста «Дополнений к «Диалектике мифа» мы вынуждены пользоваться самой «Диалектикой»: «...сущность всей Каббалы сооб-

Без текста, или По плодам

Дмитрий Шушарин

Вряд ли стоит убаиваться по поводу того, что Алексей Лосев оказался заурядным антисемитом. Именно заурядным — ничего выдающегося и оригинального в его юдофобии нет.

Интересно и весьма существенно другое: почему текст, не просто компрометирующий Лосева, а выводивший его за пределы культуры, был опубликован со столь странным введением. Ведь действительно странно, когда про автора трактата о вреде евреев говорится, что он «ученый и мировым именем, вся жизнь и деятельность которого были отданы служению Истине».

Одно из двух: либо публикатор сам антисемит, либо в его понимании смысл и содержание текста Лосева не имеют никакого отношения к характеристике последнего. Вторая версия кажется более близкой к действительности. Предполагалось, что никто не посмеет судить о Лосеве по этому тексту, вообще анализировать этот текст. У него другое назначение.

И потому вряд ли стоит думать, что у поклонников Лосева «откроются глаза». Они и так видели, что, например, книга А. Ф. о Владимире Соловьеве к означенному философу не имеет отношения. Заметьте было и многое другое. Но...

Но культовая фигура появляется независимо от текстов, кои этой фигурой производятся. Точнее сказать, независи-
мо от качества, количества, смысла и содержания этих тек-
стов. Во всяком случае в России, во всяком случае внутри
русской интеллигенции, во всяком случае в советский пери-
од истории этой интеллигенции.

Лосев соответствовал нормативам культовой фигуры
именно семидесятах — начала восьмидесятых годов, когда
все было тихо и ражировано. Отпущены марксисты, ле-
нины шестидесятые, только началось время борьбы за
духовность, северные реки и русские горы. Слишком по-
следовательному, а главное, профпригодному Солженицыну
популярность не светила. Да и нельзя было о нем говорить,
как и о Сахарове. Для массового потребления голышот что-
то с Беломорканалом (или Соловками, как у Дмитрия Лиха-
чева) в биографии, но при этом разрешенное к открытому
пользованию. И, что немаловажно, уже не столь марксист-
ское, как в шестидесятые. Постепенно все более модным
словом становилась «духовность».

Профессор МГПИ им. Ленина, учебного заведения,
ставшего позже одним из самых «памятливых» в Москве,
что называется, «выпился». А то, что он написал, играло
второстепенную роль. Обычай корпорации, устная тради-
ция интеллигентского ордена были гораздо существеннее и
важнее при определении места человека в культурной ин-
дустрии, чем то, что он собственно мог предельно. Хотя До-
брынь Король из «Золушки» Шварца — Колесовой преду-
преджал: рано или поздно предельно попросит.

Но архаичные корпоративные законы казались незабыва-
емыми. Впрочем, они сильны и сейчас. Модест Колеров как-
то отметил, что у великого историка Гегера нет научных
трудов, позволяющих его так аттестовать. Обвинили в «пуб-
личном доносе». Только кому можно доносить после 1991
года? Получается, что общественному мнению.

Но вернемся к Лосеву. Публикаторы, чем бы они ни ру-
ководствовались, сделали важное и нужное дело. Заполнен
еще один пробел в истории русского нацизма. Теперь мы
знаем о его среднем звене — среднем и хронологически, и
культурно-иерархически.

На высшем уровне давно и прочно находятся интеллек-
туалы, которых нацистами и фашистами не называли. Они
лишь способствуют эрозии культурной почвы, деградация
мысли. Классик этого направления — Василий Розанов.
Продолжатели его дела — Лев Гумилев и Георгий Гачев. О
них в «Сетунжи» уже говорились.

Писали мы и о подонках в прямом и переносном смысле:
о Розаском из Харбина и нынших, постсоветских
штурмовиках, вынужденных идейно вдохновляться книгами
Гитлера и Розенберга, за неимением русскоязычных со-
чинений.

И вот теперь, как справедливо замечает коллега Капиз,
выясняется, что в России за несколько лет до книги Розанов
было уже написано нечто вполне в том же духе и на том же
уровне. Это вам не безотчетное разрушение цивилиза-
ционной самоидентификации русского национального
сознания, как у классика и его продолжателей. И не примити-
вно «бей — спайся». Это масштабно, доходливо и акаде-
мично — можно рекомендовать в качестве успешного чте-
ния и дамам, и др. студентам, и будущим оттам-командирам
штурмовых отрядов. Ну, самим штурмовикам, конечно, нуж-
но уже «Штурмер», издатель которого пятьдесят лет тому
назад был повешен.

Лосев же отправился на Беломорканал, где, однако, не
провел и года, повторного срока не получил и с 1944 года до
самой смерти занимал профессорскую кафедру. Выяснять,
почему так получилось, неинтересно, да и не важно это.
Главное в другом: он ругал социализм как представитель
конкурирующего направления, а не с точки зрения тш пен-
ностей, на которых основывается иудео-христианская ци-
вилизация.

И, может быть, главный результат публикации в том, что
появилось еще одно свидетельство нехристианского проис-
хождения фашизма. Из публикации ясно, что Лосев — ере-
тик-имяславец, чьи нападки на св. Патриарха Тихона и ми-
трополита Сергия (Страгородского), по существу, повторя-
ют обвинения этих архипастырей со стороны Зарубежной
Церкви. Той самой Церкви, которая сделала главным на-
правлением своей деятельности политическую борьбу, при-
чем с примитивными самодержавными позициями. (Монархизм
может быть и не примитивным.) В тридцатые годы карлов-
чане пошли на прямой союз с гитлеровским режимом, на-
ложив отношения прежде всего с Розенбергом.

Лосев, таким образом, предстает человеком контекста,
человеком своего времени и своего уровня — уровня полу-
культуры, которая так легко овладевает массами, в том чис-
ле и образованными, поскольку совершает невозможное в
собственно культуре — вербализует дополнительное состо-
яние сознания (отсылка «читателя к трудам Лидии Гинзбург»).
Но при этом не несет ответственности за написанное в гла-
зах образованной публики, просто не желающей замечать
смысла слов, составленных человеком, назначенным куль-
товой фигурой.

«Зверь обладает редкой мерзостью и подлостью, зато
практически неуязвим». Пиетет к Лосеву, выражаемый пу-
бликаторами его труда, свидетельствует о живучести полу-
культуры в той же степени, как и радость по поводу предсто-
ящей (убы, убы, шансы велики) канонизации Николая П.
Однокогда непримично говорить о том, что Лосес станет
идеологом нацистов, а Николай Александрович — «небес-
ным покровителем» оккультистов, старцев-самосвятов и це-
лителей-самозванцев.

Потому ведь: «По плодам их узнаете их» (Мф 7:16).